

Ольга Грабарь

Ольга ГРАБАРЬ — родилась в 1922 г. в Москве. Студенткой биофака в феврале 1943 г. ушла добровольно на фронт. Служила переводчиком в полковой разведке, затем в штабе стрелкового корпуса. Демобилизовалась в августе 1945 г. Имеет боевые награды. Доктор биологических наук. Автор 6 книг и более 120 печатных работ по регуляции размножения клеток и клеточному циклу, а также воспоминаний об отце, художнике и историке искусств Игоре Грабаре. Впервые рассказы о войне печатались в журнале “Знамя” (№ 5 за 2003 год).

Лучший из лучших*

В блиндаже у Полынника

— Сашка, водка на исходе! Скачи к Муратову, да побыстрее! — это кричит ранним апрельским утром командир полка Иннокентий Сергеевич Полынник.

— Есть скакать! — и адъютант уже в седле.

У Полынника все должно решаться молниеносно. Он высок ростом, широк в плечах, взгляд — орлиный. Стрижется коротко, но вьющиеся шелковистые волосы так и норовят выбиться из-под фуражки. Всю местность в расположении полка Полынник знает назубок — не один раз ползал и отлеживался под обстрелом с комбатами и разведчиками. По траншеям ходит не пригибаясь — для поддержания у солдат боевого духа. Бумажную работу не переваривает — на то существует начштаба.

Сегодня, проснувшись утром, полковник обнаружил, что уровень водки в двадцатилитровой немецкой канистре понизился на два пальца. Сам он пьет редко, однако цену водке знает. Полынник — тонкий психолог и водку использует не только для угощения начальства, но и в качестве награды отличившимся. Расчет предельно точен: до медали еще дожить надо, а тут тебе сразу целую кружку нацедят, да еще и похвалят прилюдно.

Церемония награждения водкой незамысловата и являет собой определенный ритуал. Полынник приурочивает ее обычно к обеду, который проходит в компании двух-трех приближенных или заезжего гостя из соседней части. Подслеповатый повар Варсонофьич вводит награждаемого в блиндаж, где уже приготовлена кружка водки. После устного приветствия “Товарищ полковник, по вашему приказанию явился...” Полынник, не вставая, произносит несколько слов, в зависимости от того, что именно совершил отличившийся: снял вражеского снайпера (поди, докажи, что не снял!), вынес под обстрелом покойника с нейтралки, прикрыл саперов или связиста с рацией — да мало ли как еще можно отличиться в обороне. Хороший командир полка должен все замечать. Поэтому кружку с водкой Полынник всегда вручает сам, вставая при этом во весь свой могучий рост, а если у него хорошее настроение, может и в огурец вилкой ткнуть.

Случалось ли так, что награждаемый был не в состоянии осилить в один присест всю кружку до конца? Никто из очевидцев подобного не припомнит. И выпьет, и “Служу Советскому Союзу” бодро отчеканит, и повернется кругом, как положено.

Присутствующие относятся к процедуре одобрительно. Полынника в полку любят, хотя он бывает и резок, и крут. Нравится его грузная статья, прямой взгляд, веселое похохатывание. А если и устраивает разнос, то за дело. Жестокости в нем нет нисколько, и рычит он больше для острастки, но когда считает нужным наказать, то делает это без колебаний.

Однополчане

Приближенных у Полынника немного. В заместителях по строевой у него числится маленький сухонький майор Свищев, с виду совсем неказистый, но Полынник знает его еще с дальневосточной границы, где вместе начинали службу, — этот не подведет. Рассказывают, однажды во время передислокации Свищев тридцать километров под пулями верхом проскакал, чтобы вернуть Полыннику невзначай оставленный в прежнем блиндаже секретный документ — боялся, что особисты наткнутся на опасную бумагу. Такое не забывается.

Второго заместителя, по политчасти, майора Брызглова Полынник недолюбливает, к столу не зовет и вообще не считает за военного, а так, терпит по необходимости. Брызглов слывет растленным циником — даже по фронтовым меркам. Он и сам этого не скрывает. Бравирует даже. “Много на Курской земле маленьких брызгловчиков будет бегать после войны”, — любит шутить Брызглов. Эвакуация гражданского населения с тридцатикилометровой прифронтовой полосы стала для него катастрофой: медсанбатские сестры отмахиваются, а в полку никакой власти — все знают, что Полынник его ни во что не ставит. Так и болтается в обороне без дела майор Брызглов. От зеленой скуки ходит по утрам в овраг, где убивает время, расстреливая пустые железные банки из-под американской тушенки.

Другое дело — ординарец Полынника Гришка, его самый верный и, можно сказать, кровный друг, потому что, когда они вместе улепетывали в сорок первом с западной границы, оба были одновременно ранены. Рассказывать Полынник об этом не любит, но иногда вдруг роняет отдельные фразы: “В одних кальсонах, как Чапаев!” или “Всё бы побросали, да бросать было нечего”. Произнеся что-нибудь такое, Полынник обычно озирается, хотя рядом никого, кроме Гришки, нет. Привычка неожиданно озираться странным образом не вяжется с могучим обликом Полынника и его открытым взглядом. Приобрел он ее, скорее всего, в первый год войны — во время повального отступления и неизбежных контактов с сотрудниками госбезопасности.

Гришка молчалив, худ, черен и предан Полыннику по гроб жизни, что, впрочем, не мешает ему вступать с начальником в дебаты, если дело касается принципа. Самый принципиальный для Гришки вопрос — что будет сегодня на обед. Стряпает, естественно, повар Варсонофьич, но за снабжение отвечает Гришка. На дворе весна, дороги развезло, и полк которую неделю питается одними крупами — “сидит” на брикетах.

По утрам происходит следующий диалог.

— Гришка, что у нас сегодня на обед? — спрашивает Полынник как будто невзначай.

— Так точно, на первое суп пышано, на второе каша гречика.

— А на завтра?

— Суп гречика, каша пышано, — не моргнув глазом, объявляет Гришка.

Наступает третий день.

— Ну, а сегодня? — спрашивает Полынный с кривой усмешкой.

— Так точно, суп пышно, каша гре... — пытается скороговоркой отделаться Гришка.

Полынный взрывается:

— Ах, “пышно”! Ах, “гречика”! — С диким ревом: — Ма-а-ать вашу, всех на передовую! Завтра же!!!

“Все” — это в данном случае сам Гришка и Варсонофьич. Гришка знает, что передовая им не грозит, но уважить полковника нужно. Поэтому назавтра он все утро самоотверженно ползает по-пластунски, собирая молодые побеги щавеля.

Между тем Варсонофьич готовит свой сюрприз. Интересный это персонаж. Возраста он неопределенного, скорее пожилого, носит толстые очки. Рассказывает, что когда-то служил шеф-поваром в “Кавказской Ривьере”, потом уволили по доносу. Как оказался в действующей армии — уму непостижимо. Скорее всего, Полынный подобрал его в штрафной роте. Впрочем, толком никто этого не знает.

Полынный в быту неприхотлив, спит, прикрывшись одной плащ-накидкой, но ценит хорошую кухню и любит угостить друзей. Поэтому Варсонофьич чувствует себя уверенно и временами наглует, переходя на ернический тон, а заодно стремясь по возможности досадить Гришке.

— Ну и блиндаж вам соорудили, товарищ полковник, — хмыкает он, — точь-в-точь, как наш вытрезвитель: вот тебе приемник, вот койки... — И все смеются, кроме Гришки, который сооружал блиндаж вместе с саперами.

Когда Полынного нет поблизости, Варсонофьич пускается в витиеватые рассуждения о прошлой жизни.

— Эх, Гришка, разве ты знаешь, что такое шеф-повар?! Какие женщины у меня были! А что мы здесь видим? — Только мухи совокупаются.

Гришке эта болтовня не по душе, и он снова отправляется за щавелем. Но и Варсонофьич не забыл про утренний разгон и идет шарить по прошлогодним огородам.

И вот следующий день.

— Что у нас на обед, Гришка? — тихим голосом спрашивает Полынный.

— Так точно... — Гришка не успевает произнести “щи зеленые”, потому что его неожиданно перебивает Варсонофьич:

— На обед у нас окрошка, товарищ полковник!

— Из чего же ты окрошку приготовил, сукин ты сын?! — восхищенно хохочет Полынный.

— Так точно, из хрена, товарищ полковник!

Слово “хрен” вызывает всеобщее оживление. Звездный час Варсонофьяча. Инцидент с “пышаном” исчерпан, Гришкин щавель остается незамеченным.

Среди ближайшего окружения Полынника особое место занимает его адъютант — старший лейтенант Александр Верховенский. Высокий, светловолосый, подтянутый, с правильными чертами лица — настоящая белая косточка. Он немногословен, независим и распоряжения принимает только от Полынника, но умеет держать дистанцию даже с ним. Все задания выполняет быстро и точно. Отличный кавалерист с безукоризненной выправкой. И нередко именно он, обвесив коня трофейными флягами, как гранатами, мчался в штаб дивизии пополнять запасы водки.

Повседневные заботы

Между тем на Полынника надвигаются другие заботы. Вчера, в его отсутствие, в блиндаж забегал юркий оперуполномоченный особого отдела Пашков и оставил записку следующего содержания: “Додонов ставит Алочке, только пыль летит”. Додонов — краснорожий упитанный мужик, помощник Полынника по хозяйственной части, а Аля — худосочная брUNETка лет под тридцать — опытная дивизионная медсестра, прикомандированная в полк для замены временно вышедшего фельдшера. Другими словами, у Али в дивизии есть свой начальник, и завхоз Додонов залез на чужую территорию. Теперь предстоит разбирательство. Надо в присутствии Пашкова давать Додонову взбучку, а Полынник этого терпеть не может.

— Пронюхал, поганец. Нет чтобы шпионов ловить, — с досадой сжимает и разжимает кулаки Полынник. Впрочем, он прекрасно понимает, что на передовой шпионы не водятся — население-то давным-давно отправлено в глубокий тыл. Вот Пашков и перебивается по мелочам.

— Ладно уж. А Додонов молодец: времени зря не теряет, — успокаивается Полынник. И мысленно который раз повторяет фронтовое заклинание: война все спишет.

Отложив разговор с Додоновым на вечер, Полынник отправляется в разведзвод: надо обсудить с Волгиным операцию по взятию языка, а заодно приободрить разведчиков. По дороге в голову лезут невеселые мысли. На прошлой неделе пришлось расстрелять дезертира.

Полынник дважды пробивался в свое время из окружения, на его счету был не один убитый немец. Но он никогда не присутствовал при казни, и ему очень хотелось сбегать дезертира куда-нибудь подальше, например, в дивизионный трибунал. Однако Пашков, заглядывая в глаза и намекая на нежелательные последствия, давал понять, что расстрел полагается произвести в присутствии всего личного состава полка, чтобы остальным было неповадно. И Полынник сдался.

В солнечный апрельский день дезертира повели в лощину. Двигались молча, и путь от штаба полка к лощине показался Полыннику нескончаемо долгим. Сам дезертир — тощий низкорослый “самострел” с перевязанной рукой, почерневший от страха, еле передвигал ноги. На живописном повороте дороги Свищев неожиданно прошептал Полыннику в ухо: “Иннокентий, а ведь он все это видит в последний раз”. Полынник только отмахнулся.

В лощине уже было выстроено отделение. Дезертира поставили к солдатам спиной. Командир отделения, простой деревенский парень, подавляя волнение, не скомандовал, а скорее завопил истошным голосом:

— По изменнику Родины — огонь!

Дезертир, как срезанный, рухнул лицом вперед.

— Так ему и надо, предателю, — без особой уверенности произнес Пашков. Его никто не поддержал, и назад все шли тоже молча.

Потом, уже в блиндаже, Полынный ни за что ни про что наорал на Гришку, и теперь тот дуетя.

От тягостных мыслей Полынного отвлекли голоса готовившихся к очередному поиску разведчиков. Они считались потенциальными смертниками, и им разрешалось такое, что пехоте и присниться не могло: ни тебе нарядов, ни строевой, к тому же офицерское довольствие. В довершение всего — никакой стрижки под ноль, у каждого торчит чуб из-под пилотки. И — куча трофейного барахла: от офицерской портупей до ятагана и мелких побрякушек “на счастье”.

“Выглядят, как бандиты с большой дороги, — не раз думал про себя Полынный. — Вот возьму и разнесу когда-нибудь Волгина!”

Но комвзвода Волгина он не только не разносил, а напротив, ставил в пример и ценил едва ли не больше всех остальных командиров в полку. Этот спокойный человек с тихим ровным голосом ухитрялся каким-то непостижимым образом держать в узде своенравную и разношерстную разведбратию. Все операции по захвату пленных продумывались Волгиным до мельчайших подробностей, обсуждались вслух и отрабатывались на местности с разведчиками. Ему подчинялись беспрекословно, поскольку он точно знал, кто именно и с кем в паре может выполнить поставленную задачу. Полынный гордился тем, что на счету полка уже два языка и пока никаких потерь.

Разведчики валялись на перекуре возле блиндажа и болтали о разном.

— Говорят, наш полковник на новую фатеру перебрался? — любопытствовал кто-то.

— Не “фатеру”, а квартиру, деревня! Шикарный блиндаж — шесть накатов.

— А правда, что у полковника жена полячка? — донеслось до Полынного. Он невольно вздрогнул: откуда знают? Гришка — могила. Не иначе как Варсонофьич проболтался, старый дурак. А может быть, Пашков?

Воспоминания

Действительно, незадолго до начала войны Полынный, тогда еще в звании майора, был переведен с дальневосточной границы на западную и очутился во Львове, где познакомился с ужгородской полькой Марией. Она недавно овдовела и жила в просторном доме с четырехлетней дочкой Кларой. У маленькой, хрупкой Марии были безукоризненные манеры и мягкий акцент, отчего она казалась беззащитной. Полынный стал ее часто навещать.

В жизни Полынного было мало женщин. С женой, которая не захотела ехать с ним на погранзаставу, он давно расстался, но формально не был разведен, посылал ей денежный аттестат. Случайные знакомства не перерастали в привязанность — и все свое время и мысли он посвящал службе.

Когда Полынный впервые увидел Марию в тонком пеньюаре, с распущенными волосами, он чуть не задохнулся от счастья и, неумело подхватив ее на руки, как ребенка, понес в спальню.

Мария была нежной и обворожительной, и Полынный окончательно потерял голову. Прошло немного времени, и он зарегистрировал с ней брак, предъявив военное удостоверение, где в графе “семейное положение” стоял прочерк. У Полынного и в мыслях не было нарушать закон. “При первой же возможности возьму увольнительную и официально оформлю развод”, — решил он. Однако война смешала все карты.

Впрочем, как потом не раз признавался себе Полынный, по-настоящему женатым на Марии он себя никогда не ощущал, скорее, был постояльцем в ее доме. Там вечно крутились какие-то люди, большей частью мужчины. Они что-то приносили и уносили, иногда предлагали купить. По комнатам без присмотра бродила маленькая Клара.

Однажды вечером Полынный застал у Марии позднего гостя — элегантного капитана с усиками.

— Знакомься, Кентек, — сказала Мария. — То Пшемик, мой старый друг. Он диригент военного оркестра. У него сейчас нет квартиры.

Пшемик остался в доме на неопределенное время. Вел он себя бесцеремонно. В конце концов Полынный потребовал от Марии объяснений.

— Он что, твой любовник? — заорал он дурным голосом.

— То так, Кентек, был любовник. Теперь — только друг. Но ведь и ты мне не настоящий муж. Все говорят, скоро сюда придет война. Тогда тебя здесь не будет, а как я стану жить?

Действительно, через некоторое время Полынного откомандировали в Минск. Само собой разумелось, что Мария остается во Львове.

— Тут дом, тут друзья, — сказала она ему на прощанье. — Храни тебя Бог, Кентек. — И подставила ему щеку. — Писать я не буду. Останешься жив, увидимся.

У Полынного хранилась фотография Марии на заграничной бумаге с узорчатыми краями; Мария была в меховой шубке с распущенными по плечам волосами и смотрела прямо перед собой, слегка приподняв верхнюю губку. С этой фотографией Полынный никогда не расставался. Он носил ее в верхнем кармане кителя рядом с партбилетом. Знали о ней только Гришка и Свищев. Они никому не скажут, тем более Пашкову.

“Значит, все-таки Варсонофьич докопался... Ушлый черт, даром что слепой. Я ему покажу, как по карманам рыскать, отправлю в обоз”, — кипел Полынный.

Но пока обсуждал с Волгиным план разведпоиска, злость на Варсонофьича как-то сама собой улетучилась. Да и где сейчас найдешь такого повара, а на носу Первое мая.

Первомай

В штабе полка к встрече Первого мая готовились основательно. Сначала праздник хотели провести в новом блиндаже Полынного, но Гришка этому категорически воспротивился,

справедливо заметив, что все перепьются и полковнику негде будет отдохнуть. Тогда решили привести в порядок какую-нибудь уцелевшую после обстрелов избу.

Штаб полка располагался в населенном пункте с многозначительным названием Пропойково, представлявшем собой небольшое пыльное сельцо с покосившимися избушками. Полы в избах были земляными, окна слюдяными, и в каждой избе имелся неременный загон для скота.

Расчищать выбранную избу начали заблаговременно.

— Дадут нам фрицы жизни на праздник — только успевай из избы в окопы прыгать, — мрачно шутили солдаты.

Тут кто-то вспомнил, что фрицы тоже отмечают Первомай и вряд ли станут попусту палить.

— Что делают, сволочи! Наш праздник себе присвоили, — негодовали солдаты, однако работа по благоустройству избы пошла веселее.

Стены украсили самодельными плакатами с лаконичным содержанием: “Бей гадов!”, “Смерть врагу”, а также матерными частушками в адрес противника. Читая их, замполит Брызглов долго смеялся, а затем приказал заменить отдельные слова на многоточие, после чего текст стал напоминать азбуку Морзе.

— Теперь и выпить дадут, — слышалось то тут, то там. — Лишь бы фрицы не подвели.

Для музыкального сопровождения праздника из роты вызвали баяниста Кислюка. Кроме того, в брошенных избах обнаружили две старенькие балалайки. Объявились и музыканты-любители — замкомполка Свищев и вездесущий Варсонофьич. Балалайки удалось настроить, и теперь в свободную минуту Свищев и Варсонофьич старательно подбирали дуэтом любимые вальсы.

— Ты бы гимнастерку постирал, она у тебя серо-буро-малиновая стала — взглянув на повара, заметил Брызглов, пребывавший в отличном настроении: наконец-то ему нашлось дело.

— Никак нельзя, товарищ майор. Гимнастерка только грязью и держится. Если начну стирать — развалится.

Тем не менее Варсонофьичу выдали со склада хотя и продырявленную, но чистую гимнастерку — как артисту для выступления на празднике.

Полынника настораживала предпраздничная суета. “Демаскируют штаб”, — думал он про себя и ежедневно сам проверял боеготовность подразделений, а спал от силы три часа в сутки.

Наконец наступил долгожданный день. Торжественное собрание в честь Первого мая назначено было на десять часов утра.

— У полковника водки целых две канистры. Классное угощение будет, — судачили разведчики.

Накануне переводчик Кнорин получил предписание явиться в штаб полка вместе с комвзвода Волгиным.

— Почему так рано? — недоумевал Кнорин, новичок в разведвзводе. — Собрание, что ли, до самого обеда будет?

— Эх, лейтенант! Кто же ждет до обеда? Соберутся — и сразу за стол.

— Прямо с утра?

— А когда же еще?! К обеду голову могут оторвать — и пить нечем будет.

Разведчики дружно захохотали. Накануне они организовали баню, скинули с себя трофейное барахло и пришили к гимнастеркам чистые подворотнички.

— Ребята, а на дворе-то тихо! — неожиданно воскликнул кто-то. Прислушались — и правда: не то что разрывов, шороха отдаленного не слышно.

А в отведенной для празднования избе тем временем уже был накрыт белой простыней стол, на котором Гришка и Варсонофьич расставили большие алюминиевые кружки, а также собранные по опустевшим домам тарелки, ложки и вилки. В качестве закусок фигурировали отварная полузамерзшая картошка, сдобренная американской тушенкой, гороховый суп-полуфабрикат и набор консервов. В двух больших деревенских графинах из толстого стекла искрилась заветная водка.

За столом расположились командир полка, адъютант, заместители и другие начальники. Остальные заняли обширные сени.

Тост Полынника был кратким.

— Товарищи! — сказал он. — Сегодня мы отмечаем всемирный день труда и весны — замечательный праздник Первомай. Фашисты изгадили нашу землю, и вместо того чтобы проводить парад, мы вынуждены торчать в этой убогой избе, но придет час расплаты, и ни одного гада здесь не останется. Это я вам обещаю. Наш народ непобедим. За Родину, за Сталина, товарищи!

Все встали, подняли кружки, выпили. Кислюк заиграл на баяне популярную мелодию “Утро красит нежным светом...”. Кто-то пытался подпевать, но слова помнили не все, однако припев был подхвачен дружно: “Москва моя, страна моя, ты самая любимая!”

Снова подняли кружки. Следующий тост произнес Брызглов. Он говорил долго и пространно, а общий смысл был такой, что хотя наш народ ленив и недостаточно политически грамотен, он в целом умнее и сообразительней немца, и поэтому историческая победа нам обеспечена. Особист Пашков добавил, что внутреннему врагу также не будет пощады, после чего кружки быстро опустели.

Майор Свищев тостов не произносил. Вместе с Варсонофьичем, вызванным из сеней, они сыграли на балалайках вальс “На сопках Манчжурии”, а потом на бис “Дунайские волны”. Каждый номер сопровождался аплодисментами и возлияниями, так что вконец ослабевшего Варсонофьича пришлось оттащить на лавку. Свищев, хорошо державшийся на ногах, неожиданно закрутился вихрем в присядке под исполняемые им же самим уральские припевки “Грибки обабки, пеки-пеки-пеки...”.

К нему присоединился и пошел в пляс Пашков. Кислюк давно уже перестал наяривать на баяне и ушел в роту вместе с Волгиным, а присядка все не унималась.

Полыннику вдруг стало душно. Сказались бессонные ночи, и потянуло на свежий воздух. Он поднялся с места, и тут же как из-под земли вырос Гришка:

— В блиндаж, товарищ полковник?

— Нет, вот тут под кустами у оврага плащ-накидку расстели. Подремлю немного.

— А если обстрел... — начал было Гришка и осекся: стояла гробовая тишина.

Между тем Свищев, закончив перепляс, долго целовался с командиром артбата и клялся ему в вечной дружбе, а потом заполз на русскую печку и мгновенно уснул, свернувшись калачиком. Пашков, опорожнив очередную кружку, качнулся и направился было к дверному проему, но, не дойдя до него, рухнул на скамью рядом со спящим Варсонофьичем, ткнув при этом кулаком в окно. И оба они еще долго спали, обсыпанные блестками слюды, как елочные украшения.

Кнорин вышел из избы и с наслаждением потянулся.

“Удивительная тишина, — подумал он. — Совсем как в мирное время”. — И тут же пронеслось в голове: “А где полковник?” Под кустами на краю оврага лежала смятая плащ-накидка.

— Гри-ишка! — закричал Кнорин что есть мочи. Ни звука! Заскочив в сени, он долго тряс сомлевающего Гришку, пока подоспевшие дежурные не облили того холодной водой из ведра. Услышав крики и шум, с воплем “Полковника потеряли!” очухавшиеся гости повалили из избы врассыпную.

Полынника искали долго, и первым увидел его все тот же Гришка. Командир полка крепко спал на дне овражка, зарывшись в кусты, а рядом сидел и спокойно курил Верховенский.

Гришка, хотя и протрезвел немного, но двигался в направлении полковника попластунски, время от времени приговаривая:

— Товарищ полковник, везде сыро, а я к вам по сухому ползу.

По необъяснимой логике пьяного ума именно это обстоятельство представлялось Гришке в данный момент наиболее важным.

— Ну что, отгуляли? — спросил Полынник, приподнимаясь и протирая глаза.

Кругом по-прежнему стояла тишина. Фрицы не подвели.

Так закончилось празднование Первомая.

...Полынник и предположить не мог, что когда-нибудь будет вспоминать дни, проведенные в обороне на Курской дуге, как самое лучшее время жизни...

Вперед, на запад!

В своей военной жизни, а другой он не помнил, Полынный всегда считался лучшим из лучших. Так было в погранотряде, так стало и во время войны. Пока он командовал полком, его полк был лучшим в дивизии. Когда возглавил дивизию — она стала лучшей в армии. На деле это означало, что находившиеся под его командованием соединения выполняли самые сложные задачи с минимальными потерями.

Заслуги Полынного не остались незамеченными. Вскоре после прорыва на Курской дуге он получил звание Героя Советского Союза и его мундир украсили генеральские погоны. В силу самобытного характера и ясного ума Полынный оказался необычайно устойчив к соблазнам славы, отчетливо представляя себе границы своих возможностей. Высокие награды никак не повлияли на его отношение к подчиненным и друзьям.

В то же время устоявшийся в обороне быт с его повседневными заботами отодвинулся в прошлое. Вместо ставшего привычным блиндажа — череда командных пунктов. В руках — карта и рация: “Товарищ генерал, докладываю обстановку...” Дивизия находилась в непрерывном движении, и все помыслы были теперь сосредоточены на главном: вперед, на запад!

Осенью сорок третьего года дивизия под командованием генерал-майора Полынного заняла выгодные оборонительные рубежи на реке Сож, в Белоруссии. Там же Полынный был очередной раз ранен — при глупейших, как он любил выражаться, обстоятельствах.

А дело было так. В дивизии ждали знаменитого писателя Симонова. Но тот задержался в гостях у комкора и дальше не поехал, а вместо него почему-то прибыли киношники с аппаратурой и своей возней начисто демаскировали штаб. Мгновенно налетели “юнkersы”, и людей пришлось наспех сгонять в укрытия. К счастью, несмотря на суматоху, никто серьезно не пострадал, кроме самого Полынного. Его основательно задело осколком выше бедра. Рана была рваная, глубокая, и хотя кость осталась целой, но крови он потерял много, и его в бессознательном состоянии увезли в армейский госпиталь.

За ним ухаживала медсестра — стройная красивая блондинка Катя Сеницына. Полынного раздражала собственная беспомощность. За время войны он совершенно отвык от женщин и не знал, как с ними разговаривать, не командуя. Но Катя на его окрики не обижалась — ее вообще отличала необычайная жизнерадостность. Она ловко перевертывала Полынного с одного бока на другой, умело обрабатывала рану и в ответ на рычание пациента старалась подавить смех. При этом у нее забавно морщился и подрагивал нос. Позже Полынный заметил, что нос у Кати так же морщится и подрагивает, если она сдерживает слезы.

Дело, казалось бы, шло на поправку, и через неделю Полынный попытался встать, но тут же рухнул, и к вечеру у него подскочила температура. Начался бред. Он снова бежал от западной границы вместе с Гришкой, катился в овраг и полз по жидкой глине.

Когда кризис миновал, Полынный увидел Катю и понял, что она плачет от радости.

— Чего реवेशь, дурочка, подумаешь, ранили в западную часть, — расхохотался он. — Еще повоюем!

Полынный стал быстро выздоравливать и начал готовиться к выписке. У Кати опустились руки.

— Что грустишь, синеглазая? Хочешь, поедem со мной? — неожиданно для самого себя предложил Полынный.

Увидев, как заблестели ее глаза, он принял мгновенное решение.

— Пиши рапорт, — сказал он Кате, — а я договорюсь.

Через несколько дней Полынный вернулся в дивизию и стал жить с Катей открыто как с полевой женой.

Пока Полынный лечился в госпитале, поступил приказ форсировать реку и двигаться вперед. Дивизия понесла потери, продвинулась ненамного и застряла на зиму в обороне среди Пинских болот, вокруг большого села Родичи.

Здесь немец беспокоил мало, и снова можно было наладить нехитрый оборонный быт. Всё так же препирались по мелочам между собой Варсонофьич и Гришка. Сначала они отнеслись к появлению Кати настороженно, но быстро к ней привыкли. Она никогда не вмешивалась в их дела, сама же в любую минуту могла оказать помощь и дать полезный совет. Особенно ценил это Варсонофьич, у которого от болотной сырости постоянно ломило ребра и сводило кисти рук.

— Повезло нашему, толковая женщина попалась, — сказал он как-то Гришке со вздохом, без обычного ерничанья. — И такая спокойная.

Полынный много разъезжал по полкам на “виллисе” вместе с Катей, и ему нравилось, когда кто-нибудь за его спиной говорил: “Красивая баба у Полынного!” О будущем он не задумывался — война не скоро кончится.

Летнее наступление сорок четвертого развивалось стремительно. Дивизия одной из первых вошла в Литву, кругом слышалась незнакомая речь. Настал день, когда Полынный узнал, что советские войска уже заняли Львов. Подспудно он давно ждал этой минуты, но не подозревал, какую острую радость она ему принесет.

Случилось так, что почти одновременно пришло известие о кончине его первой жены. Узнала об этом и Катя, которой сообщила новость пронырливая машинистка Оля Сморчкова.

— Не радуйся, — заметила прыщавая Оля. — У него еще одна жена есть во Львове, он на нее и аттестат перевел.

Катя перенесла этот удар молча. “Война еще идет, — рассуждала она про себя. — Жена там, а я здесь, и я ему нужна”.

Между тем чувствовалось, что воевать осталось недолго. Дивизия победоносно вошла в Пруссию, но до Кенигсберга не дотянула — потери были слишком велики.

Впервые за время войны Полынный ощутил огромную усталость и горечь личных утрат, которые казались особенно нелепыми. От шальной пули погиб его старый друг Свищев. Подорвался на mine верный Гришка. Смерть Гришки удручающе подействовала на Варсонофьича: у него стали трястись руки, и пришлось отправить его в тыл.

У Полынного щемило сердце, когда он принимал пополнение, состоявшее преимущественно из семнадцатилетних мальчишек. И он вздохнул с облегчением, получив приказ отвести дивизию на переформирование под Минск.

Зима прошла спокойно. Основные события, определившие исход войны, развертывались весной сорок пятого года на юго-западном направлении, и корпус, в состав которого входила дивизия Полынного, в боевых действиях больше не участвовал. Так и не суждено было осуществиться заветной мечте Полынного — дойти до Берлина. Но он не привык обсуждать приказы, и день Победы встретил в Минске.

Там же он получил первое известие от Марии — несколько строк, написанных, как он понял, под ее диктовку: “Дорогой Кентек, я получила денежный аттестат. Большое спасибо. Я рада, что ты жив, и жду тебя. Приезжай, целую, Мария”.

Началась демобилизация. Уходили на восток поезда с хохочущими и плачущими солдатами, полки редели на глазах.

Кто-то пустил слух о скором приезде Марии в дивизию. В штабе воцарилось напряжение. Однажды утром, между делом, Полынный неожиданно сказал:

— Ты вот что, Катерина, собирайся пока в медсанбат, а там видно будет.

Катя ушла, не попрощавшись. Сборы заняли немного времени.

Она давно ждала этого момента. Но ей хотелось услышать какие-то добрые слова. Хотелось, чтобы были проводы, чтобы можно было выпить и всплакнуть. Особенно обидным показалось обращение “Катерина” — для Полынного она всегда была Катюшей.

Через несколько дней Полынный, не выдержав, позвонил в медсанбат, но выяснилось, что старший сержант Синецына откомандирована, согласно ее рапорту, в распоряжение штаба армии. Это была последняя и самая болезненная утрата Полынного за все время войны. Он стал плохо спать, цеплялся к подчиненным, корил себя за малодушие и от этого становился еще более грубым и несправедливым.

В конце концов Полынный принял решение оформить увольнительную и отправиться во Львов.

“Оно и к лучшему, — успокаивал он себя. — Кончилась война — пора налаживать семейную жизнь”.

Ему недавно исполнилось сорок пять.

Мария

Когда Полынный увидел знакомый дом, у него перехватило дыхание. Мария бросилась ему на шею, а он стоял, расставив ноги, и неловко прижимал к себе подарки, не решаясь положить их на пол. Ему хотелось взять Марию на руки и не расставаться с ней ни на секунду, но она отстранилась и шепнула:

— Потом, Кентек. Идем скорее, у нас гости.

За столом было многолюдно. Женщины выглядели нарядно. Все мужчины, кроме одного — капитана госбезопасности, были в штатском. Русская речь перемежалась с польской. Гости успели выпить и шумно приветствовали Польшника.

— Знакомься, Кентек, — обводя стол рукой, сказала Мария. — Мои друзья. — И, указывая на капитана, добавила: — То Саша из безпеки, очень помогает.

Выпили за победу. Польшнику налили штрафной стакан водки, от которого он сразу разомлел. Только сейчас он по-настоящему рассмотрел Марию. Она изменила прическу — волосы были приподняты спереди и собраны в модный “кок”, а по плечам лежали красивые локоны. Синие замшевые туфли на высоких каблуках оттеняли такого же цвета платье до колен. “Совсем как в кино”, — подумал Польшник. Ему вдруг захотелось сказать вслух что-то приятное, душевное. Что, хотя он воевал и ползал в грязи, он ни на кого не в обиде. Теперь он здесь, живой, а впереди прекрасное будущее. Все это пронеслось у него в голове, но слова почему-то не приходили.

— Товарищи, внимание, — выпалил он вдруг, но тут засипел патефон, и гости пошли танцевать под музыку Эдди Рознера.

— Налить вам еще, товарищ генерал? — услужливо подскочил капитан госбезопасности.

— Давай, — рявкнул Польшник, решив про себя: “для храбрости”. После второго стакана в голове у него зашумело, ноги стали ватными. Между тем гости увлеклись танцами и совсем о нем забыли. Польшник неожиданно ощутил полную нелепость своего присутствия на этой вечеринке. Ему было душно в парадном кителе с орденами, которые звякали при каждом его движении, а больше всего раздражал патефон.

— Вам плохо, товарищ генерал? — наклонился над ним капитан, обнимая Марию за талию.

— Вон отсюда, тыловая крыса! — диким голосом взревел Польшник.

Гости оцепенели, кто-то выключил патефон. В наступившей тишине Польшник услышал спокойный голос Марии:

— Саша — инвалид второй группы. У него белый билет после ранения.

Польшнику стало тошно. Он попытался встать, но моментально рухнул на стул, все поплыло у него перед глазами.

Польшник не помнил, как очутился в спальне. Он проснулся утром с отвратительным привкусом во рту. В голове скреблись кошки, и страшно хотелось пить. В соседней комнате тихо журчала польская речь.

— Нет, Бася, — вдруг отчетливо произнесла Мария по-русски. — Жизни не будет. Он же бешеный после войны. Помнишь, сюда приезжал один рижан. Такой любезный был, так все таскал. Очень жалею, что не пошла.

“К черту все, завтра же уеду в Минск!” — решил Польшник.

Он заметил на подоконнике кувшин с водой, залпом выпил половину и снова погрузился в сон. Проснувшись, он обнаружил, что рядом безмятежно спит Мария — словно это не она

рассказывала, что чуть было не вышла замуж за случайного знакомого из Риги. Полынник уже ничему больше не удивлялся.

— Иди же скорее ко мне, Кентек, — прошептала Мария. — Я так соскучилась.

Странными были все последующие дни. С утра в доме появлялись какие-то люди, приносившие пакеты с одеждой или обувью, а иногда, напротив, Мария совала им свертки с разной мелочью. Переговаривались торопливо, чаще по-польски.

“Черный рынок? Впрочем, какое мне дело, — рассуждал Полынник. — Ведь скоро Минск”.

Но думать об этом не хотелось. По вечерам по-прежнему собирались гости. Капитан из беспехи больше не появлялся, и теперь партнером Марии по танцам был немолодой лысый пан Анджей.

Полыннику нашли гражданский костюм, и он уже не чувствовал себя так скованно, как в первый вечер. Выпив водки, он сел в кресло и наблюдал за танцующими.

“До чего же она хороша”, — думал Полынник, весь вечер ожидая того момента, когда они окажутся в спальне. Иногда это происходило сразу после ухода гостей.

— Зачем ждать, то вредно, — смеялась Мария.

Она проявляла большие познания и необыкновенную изобретательность в любви.

— А где Клара? — поинтересовался как-то Полынник.

— У бабушки в Ужгороде. Она уже перешла в третий класс — скоро вернется. Как раз к твоему отъезду, — вскользь заметила Мария.

Хотя Полынник давно понял, что Мария ни при каких обстоятельствах не поедет в Минск, слова ее больно его задели. “Она уже заранее все предусмотрела”, — с горечью подумал он.

Но Мария тотчас же поняла свою оплошность.

— Не будем терять время, Кентек, у нас его не так много, — сказала она, улыбаясь и расстегивая ему пиджак.

За два дня до его отъезда Мария сделала Полыннику подарок — отменила прием гостей.

— Завтра приезжает Клара, — сказала она, — а сегодня будет наш прощальный вечер. Смотри! — И с этими словами достала из буфета красивую бутылку шампанского. Полынник был растроган. “Может быть, все еще наладится”, — успокаивал он себя.

Клара, которую Полынник помнил совсем маленькой, оказалась худенькой остроносой девочкой с неприязненным выражением лица. По-русски она говорила почти без акцента и называла его Иннокентием Сергеевичем. Бабушка, цыганистого вида тетка, молча на него косилась. Мария же, казалось, вообще о нем забыла и целиком погрузилась в домашние дела.

Последний день был особенно тоскливым. Полынный не знал, куда себя деть, и после ужина решил прогуляться по городу. Неожиданно он встретил знакомого полковника и, обрадовавшись, пригласил его в ресторан. Когда он вернулся домой, Мария крепко спала.

— Уже поздно, Кентек, завтра рано вставать, — пробормотала она в ответ на попытку ее растормошить и тут же уснула.

На другой день Полынный уехал в Минск и поселился на казенной квартире. Он продолжал командовать дивизией и все свое время посвящал службе, но это не приносило ему прежней радости. Он никак не мог приспособиться к армейским порядкам мирного времени и вороху бумаг. Его раздражали постоянно меняющиеся приказы сверху, бесконечные жалобы подчиненных на неустроенный быт. На границу бы — да поздно!

По выходным дням он вообще не знал, как убить время. Его приглашали в гости сослуживцы, но он тяготился этими визитами и каждый вечер ждал звонка от Марии. Она время от времени давала о себе знать, но от приезда в Минск под любым предлогом уклонялась.

При первой же возможности Полынный мчался во Львов. Мария встречала его приветливо, отправляла Клару к бабушке, и каждый раз ему хотелось думать, что не все еще потеряно.

Между тем время шло, и однажды после утомительного разговора Мария, обычно ускользавшая от всяких объяснений, с неожиданной твердостью заявила:

— Кентек, я такая, как есть и никогда не смогу жить среди военных. Если хочешь, я дам тебе развод.

— Мне не нужен развод! — взревел Полынный. — Я хочу жить с тобой.

— Значит, так и будет, — спокойно ответила Мария.

Больше к этой теме они не возвращались.

В очередной свой приезд во Львов Полынный увидел в доме пана Анджея, развалившегося на диване в домашних штанах и рубашке. Полынный взорвался.

— Андрей Янович теперь председатель ЖЭКа, и я там дежурю в приемные часы, — объяснила Мария. — Если бы не он, меня и Клару могли выселить из дома — у нас излишки площади. Мне пришлось его прописать как родственника.

Мария уже бегло говорила по-русски и вполне освоилась с советским образом жизни. Полынный впервые заметил, что взгляд у нее стал жестким, черты лица заострились. “Все больше походит на мать”, — подумал он. Сил рычать не было, и он только махнул рукой.

Тогда же у Полынного появились первые признаки диабета. Однажды на учениях ему стало плохо; пришлось лечь в госпиталь. Несмотря на старания врачей, болезнь не отступала. Вскоре появились боли в ногах, начали выпадать волосы. Полынный подал рапорт об отставке, которую тут же приняли, сохранив за ним казенную квартиру.

Мария звонила, выражала сочувствие, но в Минск так и не приехала. После тяжелых колебаний Полынник, наконец, сам решился на поездку во Львов, где его поджидал очередной сюрприз.

— Кентек, — сказала Мария, — ты серьезно болен, и у нас не может быть общей спальни. Я сделала ремонт в маленькой комнате, рядом с кухней. Там тебе будет спокойно — окна выходят в сад.

— А почему не в большой? — прохрипел Полынник, взбешенный тем, что предназначенное ему помещение — бывшая комната для прислуги.

— Большая нужна Кларе, она уже на последнем курсе. — Взгляд у Марии был совершенно отчужденный, ей хотелось поскорее закончить разговор.

Полынник не сопротивлялся. Он выслушал ее молча и тут же уехал обратно в Минск. Это была его последняя встреча с Марией.

Катя. Конец

После выхода в отставку дни у Полынника тянулись тоскливо, не заполненные ничем, кроме воспоминаний.

Как-то раз он вынул из почтового ящика небольшой конверт с обратным адресом: г. Златоуст Челябинской области, СЕВ, до востребования.

— Наверное, из совета ветеранов, — подумал он. — На встречу хотят пригласить.

Полынник старался избегать таких встреч. В своем нынешнем состоянии он никого не хотел видеть из бывших однополчан.

Письмо было от Кати.

“Здравствуйте, Иннокентий Сергеевич, — писала Катя. — Сообщаю, что я жива-здорова и Вам желаю того же. Я выучилась на фельдшера и работаю в городской больнице. Маму недавно похоронила и теперь живу с братом под Златоустом. Он хотя без ноги, но хозяйственный, разводит пчел, держит кур и гусей, дом в порядке. Приезжайте погостить, у нас здесь очень красиво. Сообщаю также, что скоро буду в Минске на Всесоюзной конференции медицинских работников. Мне дали бесплатную командировку как отличнику медслужбы. Очень хочется Вас увидеть. О приезде извещу телеграммой.

Остаюсь знакома Вам Синицына Екатерина Васильевна”.

Боль, горечь, злость на себя — все перемешалось в сознании Полынника.

— Не стану отвечать, — решил он.

Но когда от Кати пришло извещение, он в тот же день дал телеграмму, назначив ей встречу днем у привокзального ресторана.

Он увидел Катю еще издали. Она неторопливо двигалась в направлении ресторана, внимательно всматриваясь в лица прохожих. На ней был светлый костюм из плотного искусственного шелка. Волосы гладко зачесаны назад и стянуты в тугой пучок.

“Все такая же статная и красивая, только слегка пополнила”, — отметил про себя Полынник.

Увидев Полынника, опирающегося на палку, невероятно исхудавшего, Катя ахнула. У нее задрожал и сморщился нос.

— Кеша, что они с тобой сделали! — только и смогла она выговорить, не успев даже поздороваться.

— А ты думала Ивана-королевича встретить? — грубовато отшутился Полынник. Он легонько похлопал Катю по спине. — Что грустишь, синеглазая! Помнишь?

Полынник хотел произнести эти слова ласково, но не получилось.

— Пойдем лучше водочки выпьем, — миролюбиво предложил он.

В ресторане было малоллюдно. Полынник заказал сборную солянку, антрекот с гарниром и графинчик водки.

— Ну, за встречу, за твои успехи, — сказал он и выпил рюмку до дна.

Катя проголодалась, быстро съела суп, а Полынник к еде не притронулся, только раскатывал по тарелке рукой хлебные шарики.

— Аппетита нет, поздно завтракал, — сказал он, оправдываясь. — Давай еще выпьем за все хорошее, что было.

— Было и будет, — добавила Катя.

— Ничего не будет: я уже в отставке.

Полынник произнес эти слова спокойно. От выпитой водки он немного оживился, но в глазах оставалась тоска. Катя заметила, что он еще чаще, чем во время войны, озирался по сторонам.

После третьей рюмки она собралась с духом и сказала:

— Кеша, поедem со мной в Златоуст. У нас свой мед, молоко, чистый воздух — я тебя выхожу.

В глазах у Кати стояли слезы.

— Поздно, Катюша, мне давно седьмой десяток пошел. А ты вон какая видная — еще замуж выйдешь. И не вздумай реветь! — гаркнул он, как в былые времена. — Никуда я не поеду. Где служил — там и закончу жизнь.

Больше никто из них не проронил ни слова.

— Ну, прощай, красавица, — сказал уже на улице Полынник, обняв Катю. — Не сумел оценить я тебя — сам виноват. Не поминай лихом и больше не пиши — нечего попусту душу травить.

Прошло некоторое время, и ноги совсем перестали слушаться Польшника. Ему прислали солдата, который приносил продукты, готовил еду и делал домашнюю уборку. Теперь Польшник передвигался по квартире только на костылях. Он часто подсаживался к открытому окну и жадно вдыхал свежий воздух, стараясь ни о чем не думать.

Наступила осень, похолодало, и однажды вечером Польшник почувствовал боль в груди. Его отвезли в госпиталь с высокой температурой.

— Двусторонняя пневмония, — определили врачи.

К утру Польшника не стало.

Его хоронили на главном кладбище Минска со всеми положенными генералу почестями. На похороны приехали из Львова Мария и Клара. Обе были в трауре. Мария выглядела необычайно элегантно в длинном черном пальто и маленькой шляпке с вуалью.

Женщин сопровождал пан Анджей.

— Это наш близкий родственник, — представила его окружающим Мария.

Через год на могиле Польшника было воздвигнуто надгробие. На медном барельефе он выглядит совсем как живой — в наброшенной на плечи плащ-накидке, с выбивающимися из-под фуражки вьющимися волосами.

Такой, каким знали его однополчане.

<http://magazines.russ.ru/continent/2005/124/gra15.html>